

ИРЖИ
ГАЕК

ПАРОЛЬ «ПРАЖСКАЯ ВЕСНА»
**ТАЙНЫЙ
ФРОНТ**

Тайный фронт

Иржи Гаек

Пароль «Пражская весна»

«Алисторус»

УДК 821.162.3
ББК 82-312.4

Гаек И.

Пароль «Пражская весна» / И. Гаек — «Алисторус», — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-478-5

Мирек Земан пережил свои «пятнадцать минут славы» в молодости, одержав победу на ринге над чемпионом мира по боксу. Но то время давно прошло. Сейчас он — незаметный чиновник в одном из пражских министерств, товарищ Никто, живущий на Ничейной земле. Но на дворе 1968 год. В Чехословакии бушует «Пражская весна», и в ней больше нельзя оставаться нейтральным. Консерваторы и реформаторы, товарищи и господа, Азия и Европа... На фоне бесконечных митингов происходит цепочка смертей. И когда загадочно погибает вожак реформаторов Павел Краус по прозвищу Брис, именно Земан, имевший неосторожность выступить на собрании в поддержку казалось бы рушащегося социализма, становится первым подозреваемым в глазах министерского особиста...

УДК 821.162.3
ББК 82-312.4

ISBN 978-5-00269-478-5

© Гаек И.
© Алисторус

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Иржи Гаек
Пароль «Пражская весна»

© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава I

Диктор говорил медленно, подчеркивая каждое слово. В его голосе звучала скорбь. «Процесс возрождения... Социализм с человеческим лицом... Молодая, замечательная жизнь...» Оператор ловил объективом горестные лица, выбирая из присутствующих тех, кто пофотогеничнее, и, конечно же, дольше всего задержался на лице Владены Брайеровой. Без сомнения, дольше, чем на лице нашего министра.

Затем на экране появился гроб с телом Бриса, и полились звуки траурного марша. Последние минуты прощания... и катафалк с гробом рывком тронулся с места. Я почему-то подумал, что, разъезжая в своей машине, Брис брал с места более плавно.

Я выключил телевизор и, откинувшись на спинку кресла, закрыл глаза. Так, значит, председателю Ринтину вообще не дали слова. Вот, наверное, переживает, бедняга! Возглавлять партийную организацию в учреждении, где шефом «главный герой» возрождения, и не войти в историю – это уж действительно невезение! Я отчетливо представил себе, с каким наслаждением Ринтин исполнил бы свою роль, произнеся речь в крематории. Из всех выступавших он один плакал бы искренне – от счастья, что удостоился такой чести.

А Ланда при этом запустил бы чем-нибудь в телевизор. Он наверняка смотрел эту передачу. Некоторое время я боролся с искушением позвонить Ланде. Я подавил это желание, но легче мне не стало. Тогда передо мной всплыло толстое лицо доктора Вахи. Это подействовало на нервы. Хватит с меня всей этой истории! Слишком много я в последнее время вспоминаю. Достаточно на мгновение потерять над собой контроль – воспоминания тут как тут! И начинается это всегда с бедняги Вахи, всем своим видом выражающим покорность и смирение. Его вечно слезящиеся глаза напоминают мне о моей матери. Воспоминания механически сменяли друг друга. Они утомительны, бесконечны и порождают страх.

Я предпочел вернуться мыслями к похоронам Бриса, которые касались меня в значительно большей степени, чем многих. Можно было бы предполагать, что они вызовут во мне какие-то новые, не испытанные прежде чувства. Я попытался разобраться в своем психическом состоянии и был разочарован. Гнетущая тоска, грусть, сожаление и усталость – все это я испытываю уже несколько недель. Ничего нового я в себе не обнаружил. Я еще раз попытался проанализировать свои чувства и снова пришел к выводу, что значительных изменений в них не произошло. Одно лишь сожаление. Причем оно все больше походило на то чувство, которое всегда охватывало меня в начале сентября, когда начиналась школа и мама забирала меня из Винце в Прагу. Это чувство сожаления порождалось разлукой с летом, рекой и товарищами. Сейчас я испытывал примерно такое же чувство, однако я сожалел не по поводу смерти Бриса. Скорее, лицо Владены, только что промелькнувшее на экране, заставило меня с сожалением подумать, что больше я ее, вероятно, не увижу.

А когда она, собственно, прилетела? Сегодня утром? И когда улетит? Этот вопрос вдруг приобрел для меня большое значение: ведь степень моей безопасности оказывалась обратно пропорциональной продолжительности пребывания Владены в Чехословакии. Шансы мои заметно возрастут, если она сегодня же и навсегда вернется в Париж. Это, вероятно, сделает мое горькое чувство сожаления хроническим...

Бедняжка Владена! Надо же было ей вернуться именно сейчас! По крайней мере, хоть один человек на траурной церемонии испытывал искреннюю грусть. А вообще-то я, собственно, не знаю, насколько ей доверял Брис. От этого, конечно, зависит многое. Ну – будь что будет! – конец один. Если я ее еще когда-нибудь увижу, то к этому приведут обстоятельства, не очень для меня благоприятные.

И вдруг я понял, что в комнате находится еще кто-то. Но поскольку это могла быть только хозяйка квартиры, у которой я снимал комнату, никакого впечатления на меня это не произ-

вело. Я просто приписал еще одну ошибку на счет своей все усиливающейся неполноценности, а в этом в последнее время не было ничего необычного. То, что я не заметил, как в комнату вошла хозяйка, было далеко не самым грубым моим просчетом за последнее время.

Я сидел не шевелясь, прикинувшись спящим. Чувствовал себя прескверно. Я понимал, что веду себя по-дурацки и что вид у меня, наверное, отталкивающий. Хотел бы я посмотреть на себя со стороны! Наверное, это такое же мрачное зрелище, как и сегодняшняя похоронная церемония...

– Разрешите побеспокоить вас, пан инженер!

Голос за моей спиной принадлежал Стибралу. С чувством досады я медленно открыл глаза. Пропустить мимо ушей звонок, не услышать, как открывается дверь и хозяйка разговаривает с пришедшим, не заметить, что кто-то чужой вошел в мою комнату, – такого я себе простить не мог!..

– Беспокойте, товарищ надпоручик, – ответил я, тяжело вздохнув, и медленно поднялся с кресла. При этом я понял, что подсознательно ждал визита Стибрала, и это меня немного успокоило. Я обернулся и оторопел: рядом со Стибралом стояла Владена Брайерова.

– Разрешите сесть? – спросил Стибрал, усмехнувшись, и, пододвинув два стула, один из них предложил Владене. Они сели, а я тем временем безуспешно пытался прийти в себя. Наконец я плюхнулся в кресло, которое стояло у журнального столика, напротив Владены.

– Садитесь, – предложил я, хотя в этом уже не было никакой необходимости.

Стибрал тоном превосходства отпарировал:

– Мы уже сидим.

Несколько секунд мы молчали, и мыслей за эти секунды в моей голове промелькнуло гораздо больше, чем за все то время, пока я с закрытыми глазами сидел у выключенного телевизора. Меня вдруг охватил страх. Раньше, когда я лицом к лицу сталкивался с Владеной Брайеровой, повторялось одно и то же: мною овладевало необъяснимое волнение, которое долго еще преследовало меня даже после встречи с нею. Сегодня я впервые не испытывал этого. Все чувства вытеснил самый обычный страх. В этот момент я был ужасно противен самому себе.

– Заказать хозяйке кофе? – спросил я вдруг и сам испугался своего голоса: настолько странно он прозвучал.

– Спасибо, – ответил Стибрал.

Владена сидела как изваяние. Не раз в прошлом мне страстно хотелось испытать судьбу, хотелось набраться смелости и задать ей один вопрос. Однако ни разу смелости я так и не набрался и вопроса этого не задал. Сейчас у нее был еще более неприступный вид, чем обычно, и день у нее сегодня был тяжелый.

– Приступайте к делу, надпоручик, – уныло проговорил я и почувствовал к себе жалость: такая безнадежность прозвучала в моем голосе.

– Мы пришли просить вашей помощи, пан инженер, – сухо начал Стибрал, а я с грустью смотрел на Владену. Она сидела выпрямившись, сжав колени, положив на них сплетенные руки и устремив взор в какую-то точку за моим левым плечом. В прошлом при встречах с ней я всегда начинал одну и ту же игру: любовался ее красотой, будто видел впервые. Я подумал, что можно попробовать этот номер и сегодня. Может, это поможет мне как-то переключить свои мысли? И я начал с глаз. Этот цвет мне хорошо знаком. Ну конечно: Голубое озеро, Сочи, экскурсия на озеро Рица. Светло-голубые глаза под овалом безупречного купола антрацитных волос придавали ее симметричному лицу с большим ртом и тонким, слегка вздернутым носом особую, трогательную красоту, которая имела какой-то мистический, трудно уловимый подтекст.

«Мисс неба» – всплыло из подсознания прочитанное когда-то, и я с презрением подумал о телевидении. Когда я видел эту женщину на телевизионном экране, я испытывал такое же чувство, какое бывает у любителя пива, которому на банкете подсунули какую-то бурду в

бутылке с этикеткой «Пильзенское». В конце концов я понял, что все дело в красках. На экране – это всего лишь первоклассный манекен, а сейчас передо мной сидело живое доказательство того, что и идеальная красота может быть одушевленной. Я снова, уже в который раз, испытывал наслаждение, рассматривая необычный разрез ее глаз. Они были раскосыми, но совсем не так, как глаза азиаток: их продольная ось шла от переносицы вниз. Я все больше склонялся к выводу, что именно это придавало ее лицу такое мученическое, страдальческое выражение.

Опыт удался: страх исчез, осталось лишь знакомое чувство легкого сожаления. Стибрал сказал что-то, но я толком не разобрал, что именно. Я услышал, как мой голос произнес: «Только вчера я вернулся из больницы», на что Стибрал ответил: «Знаю». И опять моими мыслями полностью завладела эта женщина. Кто она, собственно, теперь? Овдовевшая любовница? Она не в трауре, но меня это не удивило: она достаточно умна, чтобы не демонстрировать траур. На ней было легкое платье темно-фиолетового цвета, плотно облегавшее фигуру. Невольно вспомнив Бриса, я снова вынужден был признать, что они представляли идеальную пару.

– Может, это не слишком утомит вас? – спросил Стибрал.

Я пожал плечами и неопределенно ответил:

– Не будем опережать события. Посмотрим.

Черные туфли с открытым носком позволяли видеть пальцы ее ног, и я с трудом справился с искушением вообразить себя на месте Бриса. Я неосторожно улыбнулся своим мыслям. Стибрал мою улыбку истолковал по-своему и спросил:

– Что, по-вашему, произошло?

– Кажется, допрос? – сказал я и снова уставился на ноги Владены. Сейчас я старался вспомнить, что говорилось в посвящении, которое Брис адресовал Владене и которое я прочитал в самый критический день моей жизни. Если не ошибаюсь, там говорилось что-то об избранных женщинах, умеющих оставаться на грани поэзии нежной возлюбленной и мучительного колдовства полнотелой девки.

Длинные ресницы Владены мягко затрепетали. Она с нетерпением ждала моего рассказа. Стало смеркаться. Я включил настольную лампу и направил ее так, чтобы свет падал мне на лицо. Потом я решил, что это мальчишество, и установил лампу в нормальном положении.

– Спрашивайте же! – предложил я Стибралу с деланным безразличием в голосе, хотя даже и неопытный наблюдатель мог бы заметить мою неуверенность. Это еще больше разволновало меня.

– Что произошло в минувшую субботу вечером на даче Брайеровой? – неестественно громко спросил Стибрал, но, заметив мое волнение, дружески ухмыльнулся и весело добавил: – Мы бы хотели выслушать правдивое свидетельство непосредственного участника.

Я принял выражение смертельной усталости, что, впрочем, не потребовало от меня больших усилий, и, вздохнув, произнес:

– Я рассказывал об этом по крайней мере раз десять – врачам, полиции, журналистам...

– Расскажите еще раз... двум простым любопытным, – предложил Стибрал и посмотрел на Владену. Она сидела неподвижно, как каменное изваяние царицы неба. Только теперь я заметил, что с моего места она видна на фоне кушетки...

Не без ехидства я попытался сравнить женщин, с которыми бывал близок, с той, что сидела сейчас передо мной. Результат был столь же безотрадный, как и в моих мазохистских попытках сравнивать самого себя с Брисом. Облезлый, жалкий барбос из Глубетина, всей своей формой напоминающий чудовищно увеличенную скалку, какой хозяйки обычно раскатывают тесто для лапши, рядом с чистокровной немецкой овчаркой, прошедшей специальную подготовку полицейского пса!..

– Придется вам задавать мне вопросы, надпоручик. Не знаю, что именно вас интересует?

– Собственно говоря, все, – сказал Стибрал. – Все, что разъяснит ситуацию. – На мгновение он задумался. – Какую, собственно, цель преследовала ваша субботняя встреча с Краусом? Точнее, когда и при каких обстоятельствах вы договорились об этой встрече?

Это был вопрос, которого конечно же следовало ожидать с самого начала. В первые же часы, проведенные мною на больничной койке в Чешской Липе, я понял, что каждый мало-мальски мыслящий человек должен задумываться над тем, как замызганная чешская десятка попала в один кошелек с американским стодолларовым банковским билетом. Если бы здесь сидел только Стибрал, ответ мог бы быть довольно простым, но присутствие Владены осложняло дело.

– Собственно, уже очень давно, – начал я весьма неопределенно и внимательно посмотрел на Владену, – еще как-то в феврале...

– Не понимаю, – сказал Стибрал и насторожился.

Было время, когда я мог полностью положиться на инстинкт и импровизацию. Раньше напряженные ситуации удивительно мобилизовывали мою нервную систему, и я мог смело держать пари, что все кончится наилучшим образом. В конце концов именно благодаря этому я и закончил факультет. Если перед экзаменом меня и охватывали робость и волнение, то я знал, что с первым же вопросом они моментально исчезнут. И частенько на экзаменах мне припоминалось такое, чего, казалось, я никогда и не знал. Эти времена, конечно, давно прошли.

– Как-то Брис пришел в секретариат министра, – продолжал я, но, заметив, как задрожали веки Владены, быстро поправился: – Извините, Павел Краус...

– Продолжайте, – сказал Стибрал.

– Мы, естественно, представились друг другу и... – я с трудом сдержался, чтобы не сказать «Брис», – пан Краус захотел, конечно, узнать, что я в секретариате делаю. Я объяснил, что мне поручено заниматься письмами...

– Какими письмами? – спросил Стибрал, делая ударение на слове «какими».

– Ну, такими. От общественности... Министру... От бабушки из Евичка, от учеников седьмого «б» из Вртишек под Храстом, от Кефурта из Баварии и так далее. «Болеем за Вас, переживаем, Вы – зеркало рабочего класса...»

В обществе Владены я всегда старался быть остроумным, но результаты в большинстве случаев оказывались такими же жалкими, как и сегодня. С чувством досады я обозвал себя мысленно болваном и попытался продолжать в нормальном тоне:

– Крауса это заинтересовало, и он пообещал мне как-нибудь просмотреть письма. Он хотел написать на эту тему статью... И никак не мог выбрать время. До прошлой субботы...

– Когда он окончательно назначил дату?

– В тот самый день, когда все это произошло. В субботу, тринадцатого июля...

– Он звонил вам?

– Нет, не звонил, – произнес я, но, посмотрев на Владену, неуверенно добавил: – Хотя, может быть, и звонил. Я вернулся домой только в четверть четвертого. В почтовом ящике нашел записку, а с нею и ключи от дачи Брайеровой...

Сознание того, что я сейчас говорю правду, несколько ободрило меня, и я продолжал:

– Записка была короткой. В ней говорилось, что я должен приехать на дачу, объяснялось, как туда попасть. Он писал, что вернется в Прагу откуда-то с севера, что дорога проходит через Доксы и он не знает, когда точно приедет. Поэтому он и оставил запасные ключи, чтобы мне не пришлось сидеть на шоссе.

Стибрал медленно встал и подошел к окну. Первый барьер я, кажется, преодолел счастливо. Владена молчала. Разговора о том, как меня приглашали на дачу, у нее со Стибралом явно не было.

Стибрал рассматривал деревья парка за окном. Сейчас он спросит меня, как я попал на Поломы. И Стибрал не заставил ждать.

– Почему вы не приехали в своей машине? – спросил он задумчиво.

Я с готовностью ответил:

– В тот день я вернулся из Шумавы, и моя машина сломалась. К счастью, я застал механика в гараже министерства, он там чинил «Татру-603» Механик обещал мне посмотреть мою машину, и я ее оставил ему. Потом я пришел домой и в почтовом ящике нашел эту записку. Я вызвал такси и поехал на Поломы.

Теперь Стибрал будет контролировать время. Таксиста он уже, безусловно, допросил, и нет смысла что-то придумывать. Но вот когда приехал Брис, этого Стибрал знать не может. Здесь надо его немного запутать и стоять на своем, даже если он почему-либо будет сомневаться.

– На месте встречи я был около пяти, – добросовестно добавил я, а Стибрал тут же спросил:

– А когда приехал Краус?

Я постарался сделать вид, будто усиленно вспоминаю, и с некоторым колебанием в голосе ответил:

– Только в шесть. Он был в скверном настроении и очень спешил. Он извинился за то, что заставил меня впустую проделать такой путь, и сказал, что должен сразу же возвращаться в Прагу.

Стибрал не менял интонации. Он говорил монотонно, будто думал о чем-то другом.

– В котором часу вы выехали?

– Только в половине седьмого, – ответил я.

Стибрал обернулся и с деланным удивлением покачал головой:

– Так он спешил или не спешил? Целых полчаса, что ли, он рассказывал вам, что у него нет времени?

Не оставалось ничего другого, как пойти на риск.

– После его приезда начался сильный дождь, а у него была открытая машина. Он ждал, когда дождь кончится...

Я внимательно посмотрел на Владену: она оставалась невозмутимой.

– Дождь кончился, вы поехали и попали в аварию. Почему...

В голосе Стибрала не было вопросительной интонации, он просто констатировал, и это «почему» прозвучало как приказ. Наш диалог мне показался в значительно большей степени похожим на допрос, чем это допустимо, и на какое-то мгновение я испытал искушение прекратить эту игру. Однако после непродолжительного размышления я отверг эту мысль и продолжал:

– От дачи Брайеровой дорога спускается серпантином. Вы, конечно, ее осмотрели. Она ведет к шоссе, которое имеет шестнадцатиградусный спуск. Внизу, под скалами из песчаника, шоссе поворачивает влево. Его внешняя обочина проходит по фундаменту высотой примерно в десять метров. На дне этой десятиметровой пропасти – глыбы песчаника и обломки скал. На этом повороте нашу машину и занесло...

Мне пришла в голову мысль, что хорошо было бы выслушать все это самому, стоя за дверью. Я говорил, как автомат, повторяя свою «историйку» каждый раз одними и теми же словами, с одной и той же интонацией:

– Краус выключил тормоза, и с этого шестнадцатиградусного склона машина покатилась своим ходом. После дождя... по шоссе, где дважды в день проходят коровы... которое было завалено навозом...

Я сделал драматическую паузу.

– Слушаю, – сказал Стибрал.

– Внизу на повороте он затормозил, и машину занесло. Больше я ничего не знаю.

Стибрал пытался загипнотизировать меня взглядом. Наконец он проговорил:

– Вас, вероятно, сразу же выбросило из кабины, и вы очутились на вершине сосны? Фантастическое везение!

– Вероятно, – пролепетал я тоскливо и приготовился к самому худшему.

– К счастью, с его «фелиции» был снят верх, иначе бы вы кончили так же, как и он, – не спеша сказал Стибрал, а меня охватил неподдельный страх. Правда, те остатки разума, которыми я еще располагал, подсказывали мне какую-то надежду, хотя бы в связи с тем простым фактом, что Владена только что вернулась из Франции. Выражение лица Стибрала, однако, было просто ужасным. По крайней мере, ему удалось создать впечатление, что я вот-вот попаду в ловушку.

– Летом он всегда ездил в открытой машине, – проговорил я сдавленным голосом и посмотрел на дверь в переднюю. В данный момент эта дверь казалась мне весьма привлекательной. Я задел языком за зубной протез и впервые за долгое время вновь осознал факт его существования. Он тоже сыграл свою роль в истории с Брисом. С Брисом и со мной.

Стибрал медленно повернулся и не спеша вышел на середину комнаты. Я подумал, что хозяйке в передней следовало бы изобразить барабанную дробь, как это делают в цирке, когда артист готовится проделать свой главный трюк.

– Все было бы в порядке, – начал, не торопясь, Стибрал, – если бы не один маленький пустячок.

Два года назад в этой ситуации по моему телу разлилось бы спокойствие. Теперь же, наоборот, меня бросило в жар. Я поражался самому себе.

– Не сходятся у вас концы с концами со временем! – продолжал Стибрал. – Не очень, но все-таки...

Наверное, в этот момент я выглядел довольно глупо. «Со временем? Значит, не это...»

– Вы говорите, что Краус приехал в шесть и вы отправились в путь только в половине седьмого? Я немного побеседовал с тем дедом, который нашел вас на сосне. Он все это излагает несколько иначе.

Достав из кармана миниатюрный магнитофон, Стибрал торжественно поставил его на журнальный столик и нажал кнопку. Раздался старческий голос: «...Я сидел внизу у ручья и смотрел на шоссе. Он, видать, приехал с Докс. Было уж три четверти пятого, задождило. Я еще подумал: „На машине в дождь? Совсем он ошалел, что ли?“ Я уж собрался было идти, как вдруг что-то заворчал. Смотрю: на шоссе что-то красное. Что бы это?.. Но это не он был. Это был автомобиль, который сейчас возит эту барышню...»

Стибрал выключил магнитофон и резюмировал:

– Значит, в три четверти пятого, а не в шесть. А после половины седьмого он вас стаскивал с сосны...

Я с восхищением смотрел на магнитофон, а кровь стыла в моих жилах. Иначе и не назовешь это состояние. Я почувствовал всю тяжесть своего бессмысленного положения, и мне нестерпимо захотелось уйти.

– Ну, приехал он раньше, – говорил я механически, не спуская глаз с магнитофона. – Что из этого? Я не обязан был смотреть на часы. Мне казалось, что я ждал долго...

Я проглотил слюну. Стибрал, может, ничего и не подозревает. Может быть! Но Владена должна была это заметить. Для этого она здесь. Почему же она молчит?

– Значит, эти письма заняли у нас больше времени, чем я думал раньше. Я всегда плохо ориентировался во времени. Мы по-разному смотрели на вещи. Я не хотел обойти молчанием и критические письма тех, кто выражал опасения...

Услышав свое нечленораздельное бормотание, я вдруг потерял контроль над собой и начал истерически кричать:

– Чего вы от меня хотите? Почему не спросите прямо? Что вам, собственно, нужно?

Краем глаза я заметил силуэт хозяйки, быстро скрывшейся за дверью кухни, и вдруг осознал, что стою. Сел. Эта сцена очень утомила меня, и мне стало стыдно.

– Извините, пожалуйста. Я себя плохо чувствую, – тихо сказал я и носовым платком вытер вспотевшие ладони.

– Догадываться о том, что мне от вас нужно, я предоставляю вашей фантазии, – проговорил холодно Стибрал. – У меня, может, тысяча и одно основание для подозрений. Можно, например, подозревать, что кто-то не проявил к вам необходимого внимания. Проехал мимо места несчастного случая и не остановился...

Это было слабо даже для Стибрала. Я кисло ухмыльнулся:

– С каких это пор органы государственной безопасности расследуют дорожные аварии?

Стибрал пожал плечами.

– Дело в том, что Владена Брайерова обратилась ко мне за помощью. За несколько дней до своей смерти Павел Краус сказал ей нечто интересное. – Стибрал замолчал, явно подбирая наиболее подходящую формулировку. – А сказал он примерно следующее: если в ближайшие дни я вдруг умру, пусть кто-нибудь повнимательнее присмотрится к обстоятельствам моей смерти. Наверняка они окажутся далеко не столь невинными, как можно было бы думать...

Я внимательно посмотрел на Владену: ведь это не может быть правдой!

– Из дачи, кажется, нельзя было видеть машину? – спросил Стибрал.

– Нет, – ответил я медленно и окончательно успокоился.

– Что, если кто-то повредил вашу машину? Можно было, например, выпустить тормозную жидкость. Вы допускаете это?

Я пожал плечами.

– Кто бы стал делать это? И зачем? – глухо проговорил я и поднялся. Владена тоже встала.

– В том-то и вопрос, Земан! – сказал Стибрал и направился к двери. – На него наверняка существует ответ. И я буду искать его!

Я проводил их до двери. На прощание сказал:

– Благодарю вас за посещение. В первый и, вероятно, в последний раз в моей комнатухе побывала женщина первой категории!

И сразу же понял, что поступил по-свински. Владена вздрогнула, резко обернулась и проговорила с отчаянием:

– Павел умер. Земан! Умер! Вы понимаете? Вы отдаете себе в этом отчет?..

– Извините, Владена! – ответил я удрученно.

Они ушли. Когда закрылась за ними дверь, я с грустью посмотрел на хозяйку. Она стояла у входа в кухню, и лицо ее представляло собой гигантский вопросительный знак.

– Что это была за дама? – спросила она озабоченно. На моем лице появилась отвратительная гримаса, и я сказал:

– Женщина первой категории, хозяйка. Такие выходят замуж за продюсеров или промышленников. А любовницами они бывают у киноактеров, певцов и джеймсов бондов.

Я закрылся в своей комнате и уселся на кушетку. Только теперь я осознал все. Да. Павел умер.

Павел Краус.

Брис.

Глава II

С Павлом Краусом я познакомился как-то в феврале. В тот непогожий день неприятности у меня начались с самого утра. Сначала я разругался с хозяйкой, не разбудившей меня вовремя. Затем, когда я делал зарядку, у меня из левой руки вырвалась гантель и разбила дверь в ванную. Одеваясь, я оборвал подкладку в правом рукаве пиджака. Потом я решил, что пора наконец покончить с той непривлекательной картиной, которую представляла собой лишенная зубов левая сторона моей верхней челюсти. К этому решению я пришел, когда причесывался перед зеркалом и увидел в нем свой беззубый рот. Мои жирные слипшиеся волосы торчали во все стороны и совершенно не поддавались ни щетке, ни расческе, и настроение мое портилось с такой же скоростью, с какой застывает бараний жир. Я понял, что все равно не успею на службу к началу рабочего дня, и потому решил, не откладывая дела в долгий ящик, по дороге на работу зайти к зубному врачу.

Глупо было бы притворяться, что перспектива опоздания на работу меня огорчала. Уже давно в министерстве мною никто не интересовался – ни начальство, ни те, кто делал «историю». Однако в силу привычки и благодаря тому, что можно назвать любовью к порядку или совестью, я держал себя в руках, не позволяя себе слишком распускаться. А что касается зубов, они мучили меня уже несколько лет. Я регулярно, два раза в год, посещал одну старую дантистку и каждый раз вел с нею переговоры, не дававшие никакого результата. Я уговаривал ее сделать мне простой протез на крючках, который, в сущности, выполнял бы только косметическую функцию. Врач пыталась убедить меня в бессмысленности этой затеи и единственно разумное решение вопроса видела в солидном мостике. Однако, чтобы поставить этот мостик, нужно было удалять левый верхний клык, а из всех зубов целыми у меня только клыки и остались. Не то чтобы у меня был совсем беззубый рот, но бокс есть бокс, а я в молодости посвятил ему четыре года своей жизни. Тот, кто хоть немного интересовался боксом, знает, что стоит во время тренировки забыть о зубах, как пиши пропало! Не сразу, конечно. Драматические истории о зубах, выбитых во время боксерских матчей, – чушь! Настоящая опасность в другом – в том, что челюсти бывают постоянно сжаты и в зубной эмали постепенно образуются микроскопические трещины, а тепло, холод и время завершают дело.

Так бокс обошелся мне ровно в восемь удаленных зубов, большинство же других были запломбированы. Хуже всего обстояло дело с передним зубом справа сверху. Он почернел, а поскольку целую его половину занимала нетемнеющая пломба, то со временем он приобрел весьма странный вид. Картина была отталкивающей, и мне пришлось усвоить отвратительную привычку: рассмеявшись, я кривил рот, стараясь верхней губой прикрыть не только большую дыру на месте удаленных четвертого и пятого зубов слева сверху, но и двухцветный, выщербленный передний зуб.

Фактически я мог смеяться лишь правым углом рта, что делало мое грушеобразное опухшее лицо с двойным подбородком и маленьким широким носом похожим на карикатуры из юмористического журнала «Дикобраз». Я знал это и старался не смеяться. Так я и прослыл необщительным и спесивым человеком, с которым не стоит терять время.

Хотя в то утро я и был полон решимости повести наступление на дантистку и предъявить ей ультиматум, меня снова, как и много раз прежде, постигла неудача. Мы кричали друг на друга. Я доказывал, что, как заказчик, имею право на любой каприз, так как способен заплатить за него. Пани доктор не отрицала в принципе возможности осуществления моего желания, однако кричала, что она не халтурщица, что у нее за плечами сорок лет зубоврачебной практики и что она не сделает такой глупости, за которую ей придется краснеть. В результате я хлопнул дверью и ушел, чтобы, как всегда, через полгода вернуться.

Переходя через улицу Больцано, я чуть не выругался вслух. Это меня испугало. Я попытался понять, как это произошло, и вынужден был признать, что вслух разговариваю сам с собой. Все это время я продолжал мысленную баталию с дантисткой и потерял контроль над собой. Это повергло меня в ужасную меланхолию. Да, вот я уже и разговариваю сам с собой! В тридцать семь лет я превращаюсь в заплывшего жиром, страдающего одышкой увальня с беззубым ртом, одинокого и брюзгливого, лишенного всяких желаний и опасющегося даже собственных воспоминаний.

Второй этаж министерского здания кишел людьми. Я почувствовал к ним настоящую зависть. Они суетились со своими блокнотами и магнитофонами, о которых я и не мечтал. С важным видом я поднимался по лестнице (лифт опять не работал) и следил за тем, чтобы на моем лице не появилось горькой усмешки.

На площадке между вторым и третьим этажами я встретил Бедржиха Ланду. Он остановился, распростер руки и с выражением радостного удивления на лице закричал:

– Иди-ка сюда, старик! Ты еще жив?

Я ответил, что не вполне в этом уверен. Ланда обнял меня за плечи и повернул лицом ко второму этажу, где царила суета сует.

– Вот это ярмарка! – радостно сказал Ланда. – Знаешь, что я хочу сделать? Поставлю здесь ларек и буду торговать турецким медом.

Я промолчал. Примерно месяц назад я принял решение придерживаться в вопросах политики строгого нейтралитета. В теперешних условиях высказанное вслух мнение легко могут истолковать как поступок, а я не хотел рисковать.

Ланда отпустил меня и свесился через перила.

– Я на эту картину смотрю через гигантский микроскоп, – проговорил он многозначительно. – Что-то будет дальше...

Неожиданно Ланда сменил тему и тон.

– Послушай, Мирек, ты был на последнем собрании? – с иронией в голосе спросил он. – Что представляет собой этот Шевит? Ты его знаешь?

Я его знал. Мы вместе учились несколько семестров в институте. Теперь он работал в этом министерстве, а неделю назад на отчетно-выборном собрании его избрали секретарем партийной организации.

– Мы его звали Ринтин, – ответил я уклончиво.

– Потрясающе! – закричал Ланда. – Ведь он дурак высшей марки!

Его слова пришлись мне по душе. Я придерживался такой же точки зрения, за что меня в свое время чуть не вышибли из института. Тогда Ринтин, конечно, держался у левого края.

Ланда помахал мне на прощание:

– Заходи как-нибудь, потолкуем.

Он медленно спускался по лестнице на второй этаж с гримасой брезгливого отвращения на лице. Когда наш министр сидел в тюрьме, этот человек работал в органах государственной безопасности. Говорили, что он очень много сделал для министра. И когда шеф после реабилитации встал во главе министерства, он сразу же взял Ланду к себе. Ланда был его закадычным другом и первым советчиком. До самого последнего времени. Несколько недель назад он неожиданно оставил секретариат министра и перешел в инспекцию. Произошло это, можно сказать, при таинственных обстоятельствах, о которых в здешнем мирке ходили многочисленные сплетни.

Я уже поставил ногу на предпоследнюю ступеньку лестницы перед третьим этажом, когда шум в коридоре возле кабинета министра неожиданно стих. Я перегнулся через перила и увидел министра. Он приветливо махал рукой толпе. Ланда как раз проходил мимо министра, но они даже не взглянули друг на друга.

Я подумал, что министр сейчас снова попал в свою стихию, как и тогда, после реабилитации, когда начал формировать это учреждение. И мне вдруг стало ясно, что тогдашняя его инициатива, возрастающий престиж и активность, деловая атмосфера в министерстве – все это уже отошло в область прошлого. Это открытие меня не обрадовало.

Поглощенный мрачными мыслями, я не заметил, как дошел до двери своей комнатухи. Как всегда, она встретила меня безотрадной пустотой и холодом, от которого меня бросило в дрожь, как только я снял пальто. Перед глазами встала картина сегодняшней встречи министра с Ландой. Все это показалось мне таким нереальным и абсурдным, что лицо мое исказила ехидная усмешка. А как бы выглядела моя встреча с министром? Вспомнил бы он, как мы вдвоем просиживали по два часа ежедневно с глазу на глаз? Как это он тогда сказал: «Я хочу получить квалифицированную информацию, понимаешь?» И с ударением на каждом слоге повторил: «Ква-ли-фи-ци-ро-ван-ную! Ясно? Три, самое большее четыре странички!.. Все, исчезни! Завтра чтобы все это было у меня на столе!»

Я вынул из ящика стола чистый лист бумаги и написал на нем: «Квалифицированная информация для товарища министра, касающаяся его эволюции за период работы в данном министерстве». Я сделал надпись в соответствии с принятыми в секретариате правилами и принялся за работу. Эта игра как бы служила продолжением утреннего спора с дантисткой и встречи на лестнице с Ландой. Эта игра как нельзя лучше соответствовала моему сегодняшнему настроению. «Когда товарищ министр решил формировать учреждение, – писал я, – работающий здесь коллектив отнесся к этому с пониманием. Особенное удовлетворение вызывало то обстоятельство, что учреждение возглавила сильная в политическом отношении личность». Я увлекся своей игрой и продолжал: «Нельзя сказать, что совсем не было возражений. Рациональный образ мышления большинства специалистов, работающих в этом учреждении, исключал не критические эмоции, и уже тогда можно было заметить, что обаяние личности министра, оказывающее столь сильное влияние на эмоциональных людей, теряет свою силу там, где сталкивается с трезвыми и реалистическими размышлениями... (Про себя я подумал: „Желающих заниматься такими размышлениями становится все меньше... А жаль“.) Больше всего говорили о его импульсивности, самоуправстве, что часто приводило к грубому, бестактному отношению к тем людям, кто перестал ему нравиться или просто оказался не нужен... („Примером может служить Ланда, – подумал я. – А может, в этом случае дело в чем-то другом?“) Конечно, обсуждалось и его честолюбие, которым было продиктовано каждое его более или менее важное решение. Большинство работников министерства, мыслящих трезво и рационально, не могли не заметить в начинаниях министра, его нереальных проектах, предусматривавших миллиардные расходы, в его театральных жестах игру на публику. Нельзя было не видеть и того, как настойчиво, последовательно, чисто бюрократически проводил он в жизнь какую-нибудь вредную идею, в пользу которой существовал лишь один, но зато самый сильный аргумент – желание первого секретаря... („Нельзя было не видеть до тех пор, пока на здоровый, внимательный глаз не накладывались шоры, что делалось под руководством сторонника прогресса Ринтина...“ – заметил про себя я.) Много было и такого, о чем нельзя не вспомнить в эти дни. С одной стороны, всепоглощающее стремление расширить свою власть, обратить на себя внимание, с другой – прямо-таки раболопное, заискивающее отношение к вышестоящим. Две стороны одной монеты, которую надо было заплатить, чтобы добиться желаемой цели – места наверху... („И как можно выше!“) Тем не менее еще в прошлом году все здесь признавали его роль в создании и развитии учреждения, и он пользовался большим авторитетом... („Это правда! Голову даю на отсечение!“)

Первые конфликты начались во второй половине прошлого года. В министерстве появились некоторые новые служащие, игравшие весьма сомнительную роль. Приток новых лиц особенно усилился в конце года, когда министр стал все дальше отходить от проблематики учреждения и начал усиленно заниматься вопросами высокой политики... („При этом вначале он

держался у левого края!“») Последовавшая затем удивительная эволюция его взглядов просто поражала каждого здравомыслящего человека, имевшего возможность внимательно следить за ней. Если в начале осени его позицию характеризовали резкие высказывания в адрес критиков первого секретаря, если еще накануне декабрьского пленума, присягая на верность этому человеку, он требовал жестких мер против всех, кто нарушал принцип внутривластной дисциплины, то в конце года, перед январской частью декабрьского пленума центрального комитета, в его взглядах неожиданно произошли резкие изменения. Тщательно изучив соотношение сил во время голосования в январе, он отказался от выступления в прениях, посвященного деятельности правительства, и подготовил новое выступление. Это означало резкий поворот в его взглядах после январского пленума. Текст нового выступления готовили уже новые люди. Они же начали налаживать связи министра с радио, печатью и телевидением, контакты с представителями общественных наук, а также подбирали ключи кое к кому из руководства массовыми организациями... („Ими и переполнен второй этаж!“)

В начале этого года министр практически уже не руководил учреждением. Его непроницаемой стеной окружили новые люди, а на втором этаже, где расположена канцелярия министра, постоянно царит атмосфера эйфории. Коридор, переполненный ожидающими посетителями; кабинеты, освещенные вспышками „блиц“ фотокорреспондентов, где не смолкает жужжание телевизионных камер и устанавливаются микрофоны радио, – все это похоже на сбывшийся умопомрачительный сон о столице чешских королей... („Он буквально так и сказал!“)

Начальники отделов перебрались на следующий этаж, где находится канцелярия заместителя – тихого, спокойного, эрудированного, трудолюбивого словака, по-настоящему интеллигентного и благородного, как бы олицетворяющего лучшие черты специалистов, работающих в этом министерстве...»

Я отложил ручку в сторону и задумался. Вместе с начальниками отделов на третий этаж перебрался и я. Разница заключалась лишь в том, что на меня никто не обращал внимания. Для своих товарищей по работе я по-прежнему оставался референтом секретариата министра, а для секретариата стал просто обузой. Делать «историю» я не умел и, в конце концов, просто не хотел.

Те, кого захватила реконструкция учреждения, как-то забыли обо мне. Мне выделили несколько метров министерской площади рядом с дамским туалетом и перестали мною интересоваться. Как нельзя лучше выразил это один из молодых сотрудников, которому как-то поручили собрать всех служащих на встречу с шефом. Со словами: «Есть еще там кто-нибудь?» – он открыл дверь моей комнатухи, окинул меня безразличным взглядом и покачал головой. «Никого!» – крикнул он в глубь коридора, и эхо подтвердило его слова.

Я огляделся с усмешкой: кабинет товарища Никого. Ничейная земля. Отвратительная, холодная покойницкая.

Я скомкал бумагу с информацией для товарища министра и бросил ее в корзину. От холода у меня зуб на зуб не попадал, и я стал соображать, куда бы пойти. А поскольку мне не удалось придумать никакого благовидного предлога для посещения кого-нибудь, чьи окна выходят на юг, я решил притвориться, что меня интересует работа, и отправился в секретариат. Это было связано с неприятной необходимостью пробираться через толпу людей, ожидающих на втором этаже «спасителя», но другого выхода не было. В конце концов, отталкивающее выражение моего лица должно было как-то оградить меня от назойливости тех энтузиастов, кто готов был изъясняться своей признательностью любому из свиты министра.

Мой план удался. С неприступным выражением лица и взглядом, устремленным в бесконечность, я благополучно миновал толпу посетителей, которые мне всегда чем-то напоминали религиозных фанатиков, и скрылся в дверях секретариата. В комнате девушек было пусто. На столе секретарши Индржишки царил образцовый порядок, а это означало, что у ее ребенка

опять ангина. Клара, машинистка, временно исполнявшая также и функции курьера, видимо, только что куда-то вышла: ее стол был завален деловыми бумагами, а из машинки торчало начатое письмо. На ее столе, на самом видном месте, лежала написанная от руки записка и бросалась в глаза каждому вошедшему.

Здесь было явно теплее, чем в моем карантине, и я решил подождать, усевшись за Кларин стол. Основания побездельничать у меня были: ведь я ждал почту, а Клара куда-то вышла.

От нечего делать я прочитал записку, и с этого, кажется, началась вся история. Записка была написана красной пастой, и я с удивлением обнаружил, что не могу распознать почерк. Появляются все новые, незнакомые люди. Всех не упомнишь! «Клара, не ходи вокруг да около – голова пойдет кругом. Сиди на месте! Брис». Я рассмеялся, представив себе Клару. Эта миниатюрная черноволосая девица, в высшей степени современная, преклонялась перед знаменитостями и, как большинство ее сверстниц, обожествляла экспортных киносамцов и визгливых певцов с лицами недоношенных младенцев.

Однако кто же автор записки? Брис? Вряд ли, хотя в этом здании гости с Запада и нередки. А в последнее время Клара, кажется, обожествляла этого французского актера, известного по многосерийному детскому фильму-сказке. Так кто же все-таки автор записки?..

Я встал, осторожно постучал в дверь и, вежливо улыбаясь, вошел в комнату, примыкавшую к кабинету министра. Там сидел незнакомый мужчина, которого я, кажется, где-то видел. В нем действительно было что-то от того красавца, чьим именем он назвался в записке, адресованной Кларе. Это имя навсегда стало прозвищем Павла Крауса. Ну да, интервью на телевидении, журналист и писатель.

– Павел Краус, – сказал он, вставая. Я не ошибся.

– Мирослав Земан. – Мы подали друг другу руки. Я объяснил свой визит: – Думал, нет ли здесь кого-нибудь из девушек?..

– Вы, значит, здешний? – равнодушно спросил он и сел. С того ушедшего в прошлое времени, когда я еще был полон решимости стать чемпионом мира в среднем весе, у меня сохранилось кое-что из присущей боксерам способности моментально оценивать партнера. Я мысленно взвесил Бриса и внимательно осмотрел его фигуру: восемьдесят килограммов, рост – сто восемьдесят семь, отличный плечевой пояс и узкая талия. Возраст – примерно тридцать три года. Я внимательно наблюдал за его движениями, когда он вставал, и за его глазами, когда он говорил. От этих глаз ничто не скроется. Казалось, он видит все, даже то, что происходит за его спиной. Его движения были удивительно экономными и частичными, и я не мог избавиться от чувства, что он вот-вот продемонстрирует мне апперкот в мастерском исполнении. Диагноз я поставил без колебаний: опасный профессионал.

И сразу же во мне вновь заговорило то ощущение своей неполноценности, которое в последнее время все больше и больше одолевало меня. Как мы выглядим рядом? Копченый каплун рядом с охотничьим соколом! Более точного сравнения не пришло мне в голову.

– Здешний, – ответил я и спросил: – И вы тоже?

Он поднял глаза, несколько секунд молча разглядывал меня, а потом ответил:

– Всего полтора часа.

– Ну, значит, вы уже старожил! – вежливо пошутил я и безо всякой связи спросил: – Что вы будете здесь делать?

Это был бессмысленный вопрос, и мы оба поняли это.

– Шеф это называет «пресс-атташе».

Он скусающе зевнул и, приняв удобную позу, вытянул ноги. Брюки у него были в обтяжку, и выглядел он в них элегантно. Чтобы хоть что-то сказать, я добавил:

– Здесь вы не перетрудитесь. Шеф сам выступает с заявлениями для печати.

«Порю чушь», – упрекнул я себя мысленно, а он, сохраняя скусающее выражение лица, усмехнулся:

– А что вы здесь делаете?

«Диск-жокей» – пришло мне в голову сравнение, однако вслух я не произнес этого.

– Что здесь делаю я? Письма...

Бриса это не позабавило. Мне казалось, что он вообще не спросит, о каких письмах идет речь, и я обрадовался этому. Однако он все же спросил:

– Какие письма?

Мне не хотелось давать подробных объяснений, и я уклончиво ответил:

– Те, которые не представляют большого интереса, качество которых обусловлено главным образом их количеством. Бабушка из Евичка... Внучек из Полянки... «Любим Вас, болеем за Вас». Более важными письмами занимаются люди из секретариата.

– А вы разве не из секретариата?

– Вообще-то да.

– Что-то сложновато. – Его интерес несколько возрос. – Вы всегда этим занимались? Я имею в виду... эти письма.

– Пока министр руководил учреждением – нет. Я был вроде специального референта. Тогда моя должность называлась «секретарь коллегии».

– Теперь она называется иначе?

Это был логический вопрос.

– Полагаю, что так. Люди, которые руководят учреждением сейчас, поручили эту работу кому-то другому. Меня они считают сотрудником секретариата.

Он рассмеялся:

– Вы сами выбрали свою теперешнюю роль?

Я пожал плечами:

– У меня был выбор: делать историю или заниматься письмами. Я выбрал письма.

– Так вы интроверт?¹

Его вопрос прозвучал как утверждение. Он классифицировал меня как интроверта, я его – как опасного профессионала. Наш взаимный осмотр закончился.

Он встал:

– Как-нибудь посмотрим вместе эти письма. Они могут дать материал для интересной статьи.

Это был знак, что аудиенция окончена.

– Несомненно, – ответил я, притворяясь равнодушным.

И опять я пробирался по коридору с выражением презрения и высокомерия на лице и без единой мысли в голове. У лестницы меня остановил какой-то пожилой человек и торопливо начал:

– Вы здешний? Я жду уже два часа. Мне надо бы...

– Меня это не касается, – бросил я и направился вверх по лестнице.

Когда я вновь уселся в своей прохладной каморке за пустым столом, мои мысли вернулись к Брису. При этом я испытывал какое-то беспокойство, неприятное возбуждение. Я попытался прибегнуть к несложному приему – заняться чем-нибудь и забыть о Брисе, однако мне это не удалось, и мысли мои вновь и вновь возвращались к нему. Я убеждал себя, что здесь просто опять проявляется мой комплекс неполноценности, но и это объяснение не принесло успокоения. Конечно, из ряда вон выходящее совершенство Бриса делало такое объяснение вполне приемлемым, но я должен был все-таки признать, что причины моего беспокойства имеют более глубокие корни.

¹ Интроверт – термин из психологии, обозначающий замкнутого, избегающего контактов с другими людьми человека, склонного к созерцанию. – *Прим. пер.*

Меня не оставляло противное чувство, что такое со мной уже когда-то было. Я перебирал в памяти людей и ситуации, с которыми это могло быть связано, и наконец вспомнил о Врабеле. Чехословацкий боксер мирового класса, не знавший поражений в международных турнирах, вызвал во мне при нашей первой встрече почти такие же чувства, как и Брис. В тот момент, когда мы пожимали друг другу руки, я почувствовал себя жалким мальчишкой, которому довелось коснуться самого бога, но который и мечтать не смеет о том, чтобы когда-нибудь встретиться с ним на ринге. Тогда я и думать не мог, что всего лишь через несколько месяцев после этого рукопожатия я проведу с Врабелем бой, которому суждено будет наложить отпечаток на всю мою последующую жизнь.

Дойдя в своих воспоминаниях до этого места, я почувствовал страх. Это, конечно, было плохим предзнаменованием, и я не мог его игнорировать.

Тот факт, что Брис поступил на работу в наше министерство, представлял интерес и с другой точки зрения. Он свидетельствовал о том, что «режиссеры спектакля» мастера своего дела, учитывающие все до мелочей.

Министр, сам человек простой, к интеллигенции относился с подозрением, а будучи уродливым, завидовал красивым людям. Как всегда бывает в таких случаях, его отношение к людям интеллигентным и красивым было противоречивым: оно включало в себя как романтически окрашенное восхищение, так и презрительное пренебрежение. При этом министру льстило сознание того, что интеллект и красота поставлены на службу его простоте и уродливости.

Не так уж давно он сам прочел мне лекцию о психологическом значении рационального сочетания уродства и красоты. Ничего нового я не услышал. Незадолго до этого известный актер рассуждал в радиопередаче о том, почему он выступает на сцене в окружении полуобнаженных красавиц. Он говорил, что красота трогательна, а потому следует окружать ею уродство. Это поэтично, и такой контраст производит хорошее впечатление. Министр явно слушал эту радиопередачу. А поскольку каждую интересную мысль он тут же заимствовал и выдавал за плод своего ума, я был вынужден тогда притвориться, что восхищен его проницательностью и остроумием. В то же время я понял тогда, что и сам полностью разделяю подобную точку зрения, особенно в связи с тем, что она позволяла мне перед самим собой оправдать свое поведение в истории с Владеной Брайеровой.

Подумав о Владене, я тотчас же снова вспомнил Бриса. Эта ассоциация напрашивалась сама собой. Если Брис был наиболее совершенным из известных мне представителей мужского пола, то Владена была его безукоризненным женским эквивалентом. Меня заинтересовало, знакомы ли они. Разумеется, Владена знает о существовании Павла Крауса. Имя этого журналиста достаточно хорошо известно, и она, безусловно, слышала о нем. Он же, конечно, видел Владену на экране телевизора. Ну, а познакомятся они, вероятно, здесь! В определенном смысле это будет замечательно.

Я размышлял. Когда-то давно я был совсем нетипичным подростком. Насколько мне известно из литературы и признаний товарищей, каждый нормальный мальчик в этом возрасте рисует в своем воображении эротические сцены, где выступают двое: он сам и она, желанная. У меня это выглядело несколько сложнее. Всегда была она, желанная, затем он, которого она страстно любила, и я. Мужественный, скромный, я готов был пожертвовать собой, вмешаться в нужный момент, вырвать ее, желанную, из лап смерти, окровавленными руками передать этому жалкому трусишке, которого она страстно любила, а потом, как в фильме Чаплина, уйти по безлюдной дороге, ведущей в безбрежную даль. От этой картины у меня на глазах выступали слезы, слезы тихой юношеской грусти. А в сущности, все это было страшным надувательством, потому что она, желанная, припав к груди возлюбленного франта, на меня, уходящего вдаль, смотрела со смешанным чувством, где-то в глубине души испытывая сожаление...

Брис и Владена идеально подходили друг другу. А мне здесь предоставлялась замечательная возможность сыграть роль, о которой я уже давно мечтал. Может, стоит попробовать? Собственно, Владена однажды уже участвовала в представлении, которое для нее придумал я. Когда же это было? Я достал свою записную книжку – календарь за 1966 год. Под датой «5 июля» я нашел сделанную мною запись: «Найти женщину» – и невольно рассмеялся.

...Это было так. Поздно вечером министр под каким-то благовидным предлогом вызвал меня к себе в кабинет. Он всегда так делал, когда хотел с кем-нибудь о чем-то поговорить. Я пошел, мысленно прощаясь с ужином.

Министр начал мне рассказывать о своих впечатлениях о состоявшемся в прошлую субботу банкете, на котором присутствовали гости. Я там тоже был и теперь лишь молча кивал головой, слушая министра. В конце концов он спросил меня:

– Ну, а ты что скажешь? Тебе не понравилось?

Я в это время думал о том, что, пока я здесь умираю с голоду, ужин в духовке у хозяйки пригорит, и, раздосадованный, решил на маленькую месть.

– Что же сказать, товарищ министр? Банкет, пожалуй, удался, – неопределенно ответил я и добавил: – Думаю, что гостям понравилось.

Он посмотрел на меня с подозрением.

– Да, гостям наверняка понравилось, – повторил я.

Он угрожающе промолчал, а я решил немного подразнить его:

– Они казались довольными.

Я был начеку, чтобы не ответить на его вопрос раньше, чем он мне его задаст.

– А тебе, значит, не понравилось? – Он выпятил нижнюю губу и заворчал.

– Я этого не сказал, товарищ министр.

– Как не сказал, когда сказал! – Он был недоволен. Вообще-то он не терпел, когда кто-нибудь не разделял его восхищения. – Почему тебе не понравилось?

– Я и в самом деле не сказал, что мне не понравилось, товарищ министр, – почтительно возразил я. – Я имел в виду другое...

Выдержав драматическую паузу, я продолжал:

– Просто... – Я сделал вид, что подбираю слова. – Просто кое-чего не доставало для того, чтобы быть вполне удовлетворенным...

Он немедленно спросил:

– Чего же?

И я продолжал с видом знатока:

– Ведь это было не производственное совещание, товарищ министр, а дружеская встреча. Я полагаю, что для такого случая исключительно мужское общество подходит не лучшим образом.

Как и всегда, в его присутствии держался я очень скромно: способный, знающий свое место служащий.

– Значит, тебе там женщины не доставало? – констатировал он и опять выпятил губу.

– Вот именно, товарищ министр. Нужна была хотя бы одна, и притом очень старая. Можно было привезти ее туда в инвалидной коляске. Этого было бы достаточно, чтобы оживить сугубо мужское общество.

Я сделал паузу, дожидаясь, пока шутка произведет эффект. Министр посмотрел на меня внимательно.

– Хм, – наконец сказал он и задумался. – А ну-ка посмотри, когда приедет этот швейцарец?

– Вы имеете в виду этого шотландца из секретариата Европейской экономической комиссии в Женеве, товарищ министр? – спросил я, опять приняв вид усердного служащего.

– Его и сопровождающих! – отрезал шеф.

– Он приедет через четырнадцать дней, товарищ министр, – сообщил я.

– Прощальный ужин организуешь ты! – приказал министр, мрачно глядя мне в глаза. – В составе чехословацкой делегации будет женщина. И не просто так. Чем-то она там должна заниматься. Понимаешь?

– Так точно, товарищ министр! – ответил я по-военному.

Так я получил задание «раздобыть женщину», которое и записал в свой календарь. Это было необычное задание, и для меня отнюдь не самое легкое. Прошло уже три года, как я порвал всякие контакты с женским обществом, и каждый раз, вспоминая об этом, говорил себе: «Слава богу!»

Короче говоря, выполнить распоряжение министра мне оказалось очень трудно. Тем более что нужна была женщина, которая бы играла на прощальном ужине вполне определенную роль. Я чувствовал, что недостаток воображения вряд ли позволит мне придумать что-нибудь лучше переводчицы, а тут выбор был невелик. Я же преследовал определенную честолюбивую цель.

Прежде чем я принял оптимальное решение, прошло еще два дня. Только 7 июля в моем календаре появилась запись: «Д-р Малек» и номер его телефона. Дозвониться ему мне не удалось: доктор Малек как раз лечил что-то из своих внутренностей в Карловых Варах. Узнав об этом, я написал ему, и мы обменялись несколькими сумбурными письмами.

Оглядываясь назад, я должен признать, что Малек был славным малым. Я познакомился с ним во время отпуска, который проводил в Сочи. Вскоре после нашего знакомства я обнаружил, что слышал о нем задолго до того, как он впервые подал мне руку. Он занимался переводами художественной литературы, и некоторые из его работ я хорошо знал. Малек вращался в мире искусства, и я рассчитывал сейчас на его помощь.

Первое письмо, которое я отправил ему в Карловы Вары, содержало в общих чертах мой план и очень заинтересовало Малека. Министр обычно вел себя безразлично по отношению к женщинам. На первый взгляд я и сам вел себя так же, как он. Однако если мое отношение к женщинам вполне можно было оправдать импотенцией, то он руководствовался совершенно другими мотивами. В силу своего честолюбия он избегал лишних расходов энергии, которые могли бы уменьшить его шансы в борьбе за место наверху. Здесь он был последовательным и бескомпромиссным, так что тот эффект, который произвела моя оценка банкета, можно было считать безусловной победой. Я решил закрепить на захваченном плацдарме и, ловко действуя, расширить его.

Первым, главным, а собственно, и единственным условием успеха должна была стать соответствующая женщина. Я знал, как она должна выглядеть, но не был уверен в том, что такое чудо где-нибудь существует. Я описал свой идеал в письме Малеку. Ответ пришел незамедлительно и на нескольких страницах. Доктор там явно скучал. Его послание представляло собой прямо-таки литературное произведение, поражавшее богатством мыслей. Он рассуждал о проблемах красоты вообще и женской красоты в частности, о том, что благоприятствует красоте и что ее портит, поддерживал мое намерение подразнить министра и давал мне несколько советов. В заключение своего письма он ставил мне условие, точь-в-точь как в детских сказках: «Выполню я, сынок, твое желание, если ты пообещаешь...» Короче говоря, доктор утверждал, что знает женщину, которую я ищу. Однако перед доктором встала дилемма, и решить ее он затруднялся: или выручить приятеля, но испортить ему жизнь, или же подвести его, но не портить ему жизнь. «Влюбишься ты, друг, влюбишься, – писал доктор озабоченно, – а я всю жизнь буду упрекать себя. Ведь это будет несчастная любовь, из-за которой ты потеряешь голову и покой». Кончалось письмо так: «Обещай, что не встретишься с ней! Заболей, предприми что-нибудь, но встречи с ней избеги! Иначе – ты пропал».

Сейчас, оглядываясь назад, я вспоминаю, что моя реакция на послание Малека была довольно странной. Я написал ему ответ, и это было одно из тех немногочисленных в моей

жизни писем, которые я не писал сразу начисто и черновики которых по какой-то непонятной причине сохранились у меня до сих пор. Объяснение тут может быть только одно: письма эти я писал не адресатам, а самому себе.

«Дорогой друг! – так начиналось это удивительное послание. – Я обращаюсь к тебе только с одной просьбой и знаю, что ты меня не подведешь. Прежде чем изложить ее, прошу тебя набраться терпения и выслушать историю, которая, я надеюсь, поможет тебе принять решение.

Лет двадцать назад в реальной гимназии в Карлине училась девушка, которую я беззаветно любил. И не только я. Для всей мужской половины гимназии она стала синонимом любви.

У нее были голубые глаза, темные волосы, длинные стройные ноги, смуглая кожа и походка королевы. Она носила дорогие, белые или красные, платья, плотно облегающие ее фигуру. Я в ту пору ходил в брюках, сшитых из немецкого военного мундира, в длинной, чуть не до колен, куртке с широкими ватными плечами из потертого отцовского пиджака и канареечно-желтых ботинках с рифлеными подметками. Еще бы немного грима и бумажный нос, и я мог бы выступать в цирке, который приезжал в Глубетин на праздник святого Мартина и привозил с собой козу, двух собак, медленно издыхающего медведя и облезлую лошадь.

Когда она училась в последнем классе, за ней ухаживал студент Бухал, сынок богатого местного кондитера. Он носил фланелевые брюки, спортивные рубашки и ездил в скажочно-белой машине марки „Аэро-50“ с красной обивкой сидений.

Вот я в своем шутовском костюме нищего с глубетинской окраины стою перед реальной гимназией и наблюдаю. Подъезжает блестящий кабриолет, за рулем элегантный молодой мужчина, сигарета в правом углу презрительно искривленного рта. И вот она выходит из школьных ворот, идет, окруженная благоговейной тишиной, под взглядами десятков вытаращенных глаз, садится в автомобиль, и кабриолет отправляется в страну несбыточных грез.

Окончив гимназию, она вышла замуж и стала пани Бухаловой. Они с мужем уехали куда-то на север. Вспоминая свою молодость и эту девушку, я всегда испытывал отвратительное чувство унижения. Может, из-за этой девушки я до сих пор и не женился, хотя мне уже скоро сорок.

Двенадцать лет спустя я, тридцатилетний инженер, ехал однажды в своей „Волге“ по улице Карлина и, как ни странно, чувствовал себя вполне довольным жизнью. Мой костюм был сшит из отличной шерсти и совершенно не стеснял движений. Я только что взял машину из ремонтной мастерской, где ее привели в полный порядок. „Волга“ теперь была в прекрасном состоянии. Ослабив узел галстука, я подумал, что и мои дела не так уж плохи. В этот день обо мне написали девять газет, а накануне я был на приеме у президента республики. Я работал в хорошем коллективе, и из четырнадцати моих товарищей, по крайней мере, двое были специалистами такого высокого класса, что равных им нелегко было бы найти даже в странах, занимающих в области гидротехники ведущие позиции. Короче говоря, это был один из тех счастливых моментов, когда я мог сказать, что, в конце концов, тоже чего-то стою.

Вдруг на тротуаре я увидел полную женщину, плохо причесанную, согнувшуюся под тяжестью двух хозяйственных сумок. На ней был замызганный плащ, какие носили лет пять назад, на икрах ее ног выступали узлы вен. Что-то заставило меня приглядеться к ней повнимательнее. Я притормозил и увидел, что это Иржина Бухалова. Потрясенный, я несколько секунд во все глаза смотрел на нее, недоумевая. Потом прибавил газ, и „Волга“ стремительно рванулась вперед. Да, дорогой доктор! Это был для меня хороший урок. С тех пор я разделяю точку зрения одного старца, утверждающего, что ничто столь недолговечно, как красота роз и молодых женщин. С тех пор я приобрел иммунитет. Вот почему можешь спокойно присылать мне свое неземное создание. Обещаю тебе, что не потеряю ни головы, ни покоя.

Будь спокоен, друг. Верю, ты меня не подведешь.

Твой Мирослав Земан».

Через два дня Клара позвала меня к телефону. Вызывали Карловы Вары.

– Говорит тебе что-нибудь фамилия Брайерова? – спросил доктор Малек.

Подумав, я вдруг вспомнил:

– Это она, что ли, вела по телевидению какой-то международный фестиваль эстрадной песни?

– Именно так, – прохрипел в микрофон голос Малек. – Дружок, этот голубой экран только портит впечатление. Она – студентка филологического факультета, очень способная. Владеет пятью языками, причем французским – в совершенстве.

Мне почему-то захотелось отпустить какую-нибудь пошлую шутку, но я сдержался.

Доктор Малек продолжал:

– Я ей скажу о приеме у министра, она на это клюнет. Честолюбия у нее хватает.

– Пришли ее, – равнодушно ответил я и отправился к себе, не испытывая никакого любопытства и не питая никакой надежды. Через два дня в моей канцелярии открылась дверь, и через нее в мою жизнь вошла Владена Брайерова.

В жизнь министра тоже. Банкет в Конопиште, на котором она выступала в роли переводчицы, прошел именно так, как я планировал. Зарубежные гости остались довольны. А подлинной хозяйкой этого вечера оказалась Владена Брайерова, она находилась в центре всеобщего внимания. Я со злорадством наблюдал за министром, которого явно озадачил такой поворот событий. С одной стороны, он испытывал разочарование, поскольку его гости вдруг забыли ту очевидную истину, что он здесь – самый главный. С другой же стороны, он сам себе удивлялся, поскольку совершенно не сердился за это на Владену. Министру из всех сил приходилось бороться с искушением играть роль ее рыцаря. Я знал, что в своих отношениях с женщинами он всегда вел себя либо как начальник, либо как отец. Теперь же я со злорадством заметил, как не без некоторой робости министр пытался вести себя как джентльмен.

Когда в конце следующего дня мы оказались с ним наедине, я осторожно спросил его:

– Вы довольны переводчицей, товарищ министр?

Он испытующе посмотрел на меня. Я стоял с видом вышколенного чиновника, для которого в данный момент нет на свете ничего важнее, чем голос его начальника. По правде говоря, ответ настолько удивил меня, что в первый момент я даже не знал, как на него реагировать.

– Способная переводчица, – сказал министр, а по выражению его лица я понял, что он разгадал мою затею. Затем, глядя в разложенные на столе бумаги, он небрежно добавил: – Сделай так, чтобы она могла у нас работать. Можно зачислить ее во внештатные сотрудники. Придумай что-нибудь.

Я был так изумлен, что не сразу пришел в себя. Этот самолюбивый человек готов позволить затмить себя? Постепенно я нашел единственно правильное объяснение. Министр, заметив бессилие мужчин перед очарованием Владены, понял, какую цену имеет эта женщина, если умело ее использовать. Другими словами, в привлекательности Владены он увидел опасное и эффективное оружие, которому необходимо было найти место в его арсенале. Это открытие было достойно психолога, и министр вырос в моих глазах. Особенно потому, что применение такого оружия было связано с подавлением его собственного тщеславия, а это была для него большая жертва.

Распоряжение министра включить Владену в число внештатных сотрудников министерства я выполнил очень быстро и проявил при этом такое усердие и изобретательность, что удивил самого себя. Все это заставило меня подозревать даже самого себя кое в чем.

Бокс научил меня проигрывать и дал мне самое ценное из того, чем я располагаю, – это смирение. Не помню, чтобы я в своей жизни завидовал чьему-то высокому положению или карьере кого-то. На ринге действует принцип: «Рассчитывай только на свои силы!» В том возрасте, когда другие тяжело переживают крушение юношеских идеалов и страдают от уязвленного тщеславия, я подвергался таким испытаниям, пройдя через которые научился оценивать свои возможности. Владена была женщиной первой категории, а такие живут своей, осо-

бой жизнью, в которой нет места министерскому служащему, получающему три с половиной тысячи без вычетов.

Все это я понимал и без устали повторял себе. Между тем мои подозрения к самому себе становились все более обоснованными. Самое забавное заключалось в том, что я совершенно непроизвольно старался вести себя так, чтобы привлечь внимание этой интеллигентной и необычной женщины. Но если каждый мужчина в ее присутствии терял голову, то я вел себя совершенно иначе. Я не пожирал ее глазами, не дрожал от возбуждения и воздерживался от гнусных намеков. Я подчеркивал свои недостатки и старался быть рубахой-парнем. Конечно, при ее появлении меня всегда охватывало легкое волнение, но оно лишь ускоряло ход моих мыслей и действовало как допинг.

Владена переносила мое присутствие довольно сносно, а когда я действительно нуждался в ее помощи, всегда охотно мне помогала. Наверное, в ее глазах я выглядел безобидным импотентным болтуном, время от времени отпускающим свои незамысловатые шутки, а главное мое достоинство она, может быть, видела в том, что при ее появлении у меня не текли слюни. При всем своем уме и образовании она не была бы женщиной, если бы не старалась понять, что за всем этим кроется. Она была уверена в том, что нет таких мужчин, которые могли бы оставаться равнодушными к ее очарованию. И не по моей, а по ее инициативе мы несколько раз поговорили с ней вполне откровенно. Обычно это начиналось с вопроса, почему я до сих пор не женат. Я подробно поведал ей свои любовные приключения и осторожно намекнул о своем иммунитете против женской красоты, недолговечность которой проиллюстрировал на примере Иржины Бухаловой. Таким образом я старался создать представление о себе, как о мужчине, который стоит выше всего этого. Выражаясь языком социологов, между мной и Владеной установились хорошие «межличностные отношения». Они были столь же бесцветны, убоги и рациональны, как этот термин. Однако все это не мешало мне грустить по вечерам, вспоминая Владену. Я смеялся над собой и обычно ставил пластинку с Первым концертом для фортепьяно Чайковского. Музыка давала мне утешение и возвращала хорошее настроение.

Так продолжалось два долгих года. И вот теперь – благодаря Брису – представилась возможность обворовать эту женщину, навязать ей любовь, заставить ее почувствовать, что такое настоящая страсть, а самому при этом испытать горькое чувство одиночества и довериться своей судьбе. Чем больше я об этом думал, тем больше нравился мне мой замысел. И однажды я поймал себя на том, что не могу отказаться от этого плана. Прижав нос к оконному стеклу, я смотрел во двор. Брис в элегантной короткой дубленке пробирался между заполнившими стоянку «татрами». Да, они составят идеальную пару!

Брис сел в красно-белую «фелицию» и уверенно тронулся с места. Мне это понравилось. Я подумал, что в «ягуаре» он, вероятно, выглядел бы еще лучше. Но в том, чтобы даму, созданную для «мерседеса», посадить в чешскую двухместную спортивную машину с бакелитовым верхом, была своя прелесть!..

Позже, претворив свой замысел в жизнь, я должен был объективно признать, что она ей очень подходит. Я имею в виду: «фелиция» – Владене! Брис содержал их обеих в образцовом порядке. А когда я видел их вместе у ворот министерства, то всегда восхищался их элегантностью. При этом я вспоминал юность и белую «аэро» с красной обивкой сидений. Такие воспоминания несколько успокаивали меня...

Я поднял телефонную трубку и набрал номер Владены. Раздались длинные гудки, и я почувствовал, как меня охватывает волнение. Владена была дома.

– Здравствуй, Владена! – сказал я. – Не помешал?

– А, это вы? – ответила она разочарованно, и мне стало больно.

– Ты сказала это так, как «какого черта тебе надо?»...

Сегодня она была явно не в духе.

– Извините, Мирек, но я и в самом деле хотела бы знать, что вы хотите?

– Перевести одно письмо, – соврал я. – Шеф хотел бы поостроумнее ответить одному англичанину из Бристоля.

– Можно это отложить на послезавтра? – спросила она, и я согласился.

– Приду в десять, – ответила Владена и положила трубку.

На следующий день с утра я зашел к Брису и вежливо попросил его помочь.

– Вот тут письмо из Англии... – начал я. Брис презрительно усмехнулся, взял письмо и, не проявляя никакого интереса, просмотрел его.

Я услужливо добавил:

– Если не ошибаюсь, автор мне известен. Однажды он нам уже писал.

Брис, дочитав письмо до конца, спросил:

– Ну и что?

– Не исключена возможность, что наш ответ опубликуют в печати. Хотелось бы ответить ему получше. – Я положил перед Брисом черновик ответа министра. – Если у вас будет время и желание, взгляните на это, пожалуйста. Завтра в десять придет Владена.

Он удивленно поднял брови:

– Владена?

Я постарался изобразить растерянность и прикинулся смущенным.

– Извините, но я думал, что вы знакомы...

– Кто это? – спросил Брис.

– Владена Брайерова.

Я не отрывал взгляда от Бриса, пытаюсь понять, не разыгрывает ли он меня.

– Эта конференсье? Она что, работает здесь?

Я робко улыбнулся:

– Извините, сегодня я соображаю хуже, чем обычно, но она говорила о вас...

Я замолчал, как бы раздумывая, могу ли я продолжать.

– Ну-ну? – поощрил меня Брис.

Я притворился, что уступаю ему...

– Ну конечно же я ошибся. Из ее слов никак нельзя было сделать вывод, что она знает вас лично. Только теперь я это понял.

– А что она говорила?

Я с трудом выдавливал из себя слова:

– Просто мы рассуждали о красоте и интеллекте. Она утверждала, что одно не исключает другого. В качестве примера она назвала вас.

Я сделал вид, будто больше всего мне сейчас хочется уйти. Впрочем, меня никто и не удерживал: взгляд Бриса был неприятно пронизательным.

– На письмо я взгляну, – буркнул он.

Я поблагодарил его и поскорее вышел.

На следующий день в десять часов утра Владена сидела за моим письменным столом.

– Письмо написано от руки, – говорил я ей, – и я не вполне уверен, что все правильно понял. Кажется, автор пишет следующее: «Уважаемый господин министр, хотя Вы и прикидываетесь политиком, выражающим надежды своего народа, все это – только маскировка. Вы всего лишь коммунист и навсегда останетесь им».

На ней был костюм голубого цвета. Такого же цвета клин на чехословацком флаге. Я с интересом разглядывал ее наряд. Я не специалист в этих вещах, но, по-моему, это был костюм детского фасона, какие носят четырехлетние девочки. Этот костюм был только большего размера, чтобы в нем могла поместиться высокая, изящная женщина с длинной шеей и стройными, смуглыми и поразительно длинными ногами.

– Я бы сказал, что это уж чересчур смело... – развивал я свою точку зрения на содержание письма из Англии. – Если бы я попытался обрисовать эволюцию нашего шефа, то мне при-

шлось бы вступить в противоречие с автором. В конце концов, кто он такой и кем останется, покажет недалекое будущее...

Как ни странно, детский костюмчик ей удивительно шел!

– В конце письма автор заявляет, что он – противник шефа и навсегда им останется. Если я правильно понял министра, ответ следует составить так, чтобы его могли использовать журналисты...

Ее костюмчик был сшит в форме матроски, и я даже пытался представить на ее голове бескозырку. Потом я заметил, что и туфли ее имеют форму детских башмачков.

– Хорошо бы ответить что-нибудь вроде этого: «An intelligent enemy is better than a hundred of stupid friends»².

Владена вдруг обернулась:

– Что это вы так меня разглядываете?

Я принял серьезный вид:

– Я разглядываю не вас, а ваш костюмчик. Должен признать, что он мне ужасно нравится.

– Так вы и такие вещи замечаете? – спросила она с удивлением.

² Умный враг лучше ста глупых друзей (англ.). – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.